
индивида с обществом). К этому можно добавить познавательную функцию, призванную объяснить действительность и указать человеку его место в ней.

Выделяют два основных типа религиозности – внешнюю и внутреннюю. Наиболее четко эту типологию впервые сформулировал Г. Оллпорт. Так, к внешнему типу он отнес людей, для которых религия является способом достижения целей, внешних по отношению к самой религии: социальной респектабельности, лояльности по отношению к общепринятому образу жизни, утешения, душевного комфорта, преодоления отрицательных переживаний. К людям с внутренним типом религиозности он отнес тех, для кого религия представляет собой самостоятельную и конечную ценность, и вся их жизнь и деятельность основывается на их религиозных представлениях и вере.

Существуют классификации религиозности, исходящие из того, что преобладает в человеке: мышление, воля или чувства и определяющие тип личности соответственно как интеллектуальный, волевой или эмоциональный. Люди, у которых доминирует мышление, воспринимают религию через разум. Волевой тип воспринимает религию как результат волевого ценностного выбора, в этом случае религия не только хорошо осмыслена, но и проникает очень глубоко, охватывая всего человека. Эмоциональный тип обладает яркой религиозностью, поскольку воспринимает религию чувственным богатством своей психики. Он не подвергает религиозные догмы анализу, воспринимая их как априорные истины.

Психолог имеет дело с религией как с психическим феноменом, а не социальным, т.е. с теми процессами, которые происходят не в обществе, не в социальном организме, а в человеческой душе. Религия рассматривается как переживания индивида, как фактор, способный влиять на переживания и через них на действия индивида или какой-то группы людей. Поэтому в обучении студентов-практиков становится необходимым создание условий для формирования субъектно-профессиональных позиций, обеспечивающих развитие динамических процессов профессиональной идентичности – самоопределения, персонализации и самоорганизации, тем самым способствуя реализации смыслов, интеракций и формы профессиональной деятельности.

Профессиональное самосознание тесно связано с нравственными профессиональными ориентирами, выражающимися в ощущении ответственности и в переживании собственной профессиональной самоэффективности, убежденности специалистов в возможности реализовать свой потенциал, интеллектуальные ресурсы в профессиональной деятельности.

АСПЕКТЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ В ПЕРИОД РАЗВИТИЯ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

С.В. Богатырева

*Кубанский институт международного предпринимательства и менеджмента г. Краснодар, Россия
svbogatireva@gmail.com*

Управление как акт воздействия существует с древнейших времен. В процессе формирования государства появилась потребность в осмыслении психологии власти. Взаимодействие общества и власти формировалось в соответствии с социальными изменениями. Поиск закономерностей развития социума и государства во все времена был нацелен на сохранение политического баланса. Первые социальные договоры Томаса Гоббса, Джона Локка, Жан-Жака Руссо создали систему сдержек и противовесов, которые стали регуляторами общественного соседства, но не решали глобальных проблем.

Формулу эффективного сотрудничества пытались вывести мыслители различных эпох. Опираясь на опыт прошлого, они выработывали основные принципы для будущего развития. «...Результат, обнаруживаемый в каждый момент, зависит от результатов, достигнутых в предшествовавшие моменты, и в свою очередь влияет на те, которые должны быть достигнуты в будущем» – писал на рубеже 18-19 веков родоначальник теории прогресса Ж.А. Кондорсе в «Эскизе исторической картины прогресса человеческого разума». Проанализировав десять эпох истории человечества, он видел будущее, в котором гражданские и политические права всех людей равны, а человеческий род бесконечно совершенствуется. «Прогресс наук обеспечивает прогресс промышленности, который сам затем ускоряет научные успехи; и это взаимное влияние, действие которого беспрестанно возобновляется, должно быть причислено к наиболее деятельным, наиболее могущественным причинам совершенствования человеческого рода» [1].

В течение двух последующих веков современники индустриализации смогли из 20 века заглянуть в следующий 21 век и исследовать общественные изменения как прямой рефлекс технического прогресса. Так,

согласно концепции социального развития Тоффлера, человечество переходит к новой технологической революции: на смену Первой волне (аграрной цивилизации) и Второй (индустриальной цивилизации) приходит новая, ведущая к созданию сверхиндустриальной цивилизации – информационному обществу.

За тысячелетия изменились экономические основы. Формы собственности, борьба за них определяли развитие цивилизации, новые институты, отношения, ценности. Если изначально центром политических и экономических интересов была земля, затем промышленность, то с середины 50-х годов осью экономического развития становятся знания и информация. Анализируя особенности грядущего мира, Тоффлер акцентирует внимание на электронике и ЭВМ, космическом производстве, использовании глубин океана и биоиндустрии. Даниель Белл выводит информационную теорию стоимости «Когда знание в своей систематической форме вовлекается в практическую переработку (в виде изобретения или организационного усовершенствования), можно сказать, что именно знание, а не труд выступает источником стоимости» [2].

Одновременно ускоряется развитие информационной экономики. Впервые словосочетание «информационное общество» было употреблено американским экономистом Ф. Машлупом в 1962 г. труде «Производство и распространение знания в Соединенных Штатах». Машлуп один из первых исследовал информационный сектор экономики на примере США [3].

Информация становится главным ресурсом развития общества. Она преобладает в сфере занятости, большая часть населения участвует в сфере получения, преобразования и передачи информации. Производство информации и коммуникации становится централизованным процессом. Новое информационное общество отличается расширением информационного пространства человека: интенсивно развиваются технические средства преобразования и распространения информации. Повсеместный доступ к ней, распространение персональных компьютеров, Интернета, информатизация важнейших сфер деятельности меняет коммуникативное поле, создается целостная индустрия информации. Меняется социальный порядок.

Енэдзи Масуда в книге «Информационное общество как постиндустриальное общество» в 1983 году представил принципы композиции грядущего общества. Основой нового общества будет являться компьютерная технология с ее фундаментальной функцией замещать либо усиливать умственный труд человека. Информационная революция будет быстро превращаться в новую производительную силу и сделает возможным массовое производство информации, технологии и знания. Потенциальным рынком станет «граница познанного». Возрастет возможность решения проблем и развитие сотрудничества. Ведущей отраслью экономики станет интеллектуальное производство. В новом информационном обществе основным субъектом социальной активности станет «свободное общество», а политической системой будет являться «демократия участия».

Е. Масуда предложил утопию 21 века, которую назвал «Компьютопией». В ней предполагается свобода решения и равенство возможностей, расцвет свободных обществ, синергетическая социальная взаимосвязь, функциональные объединения, свободные от сверхуправляющей власти. Новое общество будет обладать возможностью достигнуть идеальной формы общественных отношений. По мнению Е. Масуда высшей ступенью развития информатизации общества, станет возможность пользоваться информацией так же свободно, как электричеством и водой через национальные (а впоследствии глобальные) коммуникационно-вычислительные сети [4].

Большинство развитых государств достигли технологического результата, но в условиях глобализации общественные отношения еще очень далеки от совершенства. Сегодня на карте мира представлены страны с различными политическими и социально-экономическими этапами цивилизационного развития. Социально-экономическим маркером в современном мире выступают признаки информационного общества.

Тот факт, что наиболее ценным товаром в нем выступает информация, влияющая на расстановку политических сил и экономических интересов, подтверждают революции 2011 года. Волнения в Тунисе, Египте, Ливии демонстрируют, как социальные сети могут вызвать политические перемены.

События в Тунисе вызвали протесты во многих арабских странах, в особенности в Египте. Аналогичные восстания случались и раньше. Взять хотя бы твиттер-революцию в Иране в 2009 году, получившую такое название за то, что популярный сервис микроблогов Twitter использовали для координации антиправительственных демонстраций. Памятуя о событиях в Иране, одновременно с введением специальных полицейских подразделений и армии в город египетские власти, стремясь подавить выступления еще в зародыше, отключили доступ в Интернет и мобильную связь.

Однако в этот раз – впервые в таком масштабе – протестующие сумели найти способы обойти ограничения Интернета и мобильной связи, введенные египетским правительством, и получить доступ к

социальным сетям, включая Facebook и Twitter. На страничках пользователей в этих социальных сетях стали появляться статусы следующего содержания, которые, по сути, служили инструкциями для протестующих: «НАША DSL-СЕТЬ В ЕГИПТЕ ВСЕ ЕЩЕ РАБОТАЕТ ИСПОЛЬЗУЙТЕ МОДЕМ 0777 7776 ИЛИ 07777 666 Распространите как можно скорее #EgypT #25Ja».

Подобные сообщения быстро распространялись, по сути объясняя пользователям, как воспользоваться модемным доступом в Интернет в обход ограничений, введенных правительством. Когда доступ в Интернет из Египта был отключен полностью, такие сообщения начали распространять египтяне, живущие за рубежом, и пользователи других арабских соцсетей, которые живут за пределами Египта и поддерживают протестующих. Таким образом, независимые СМИ смогли получать новости и передавать их в телеэфире или печатать в газетах.

Сервис микроблогов Twitter использовался для координации действий, что называется, на местах. В твиттах людей призывали в определенное время собираться в определенных местах, а также советовали, по каким улицам городов стоит или не стоит ходить. Кроме того, в Twitter можно было найти репортажи с места событий.

Когда по приказу правительства последний из работавших в стране интернет-провайдеров прекратил предоставление услуг связи, Google и Twitter объединили усилия и открыли три телефонных линии – в США, Италии и Бахрейне – позвонив на которые, люди могли записать свои твитты как голосовые сообщения. Пользователи Twitter могли прослушать, а не прочитать, как обычно, эти сообщения в социальной сети. Впервые ведущие поисковые системы и социальные сети объединились, чтобы поддержать информационный поток во время массовых беспорядков вопреки усилиям правительства остановить этот поток и сформировать нужное общественное мнение.

«В случае с Египтом социальные сети действительно сыграли важнейшую роль в получении хоть каких-то сведений из страны», – цитирует слова корреспондента CNN Мохаммеда Джэмджуна интернет-портал The Atlantic Wire. «Мы видим, что социальные сети использовались, чтобы рассказать, как обойти блокпосты, как преодолеть мосты, как добраться до мест, где люди хотели провести демонстрацию».

Какую бы роль ни сыграли социальные сети во время протестов в Египте, роль катализатора или сдерживающего фактора, события прошлой недели продемонстрировали, что и про-, и антиправительственные силы на всем Ближнем Востоке активно используют социальные сети для организации масс людей. Джон Стюарт, известный американский комик и телеведущий, сделал недавно одно сатирическое замечание, которое очень точно отражает исключительное влияние социальных сетей на Ближнем Востоке. «Если двух публичных выступлений и одной социальной сети достаточно, чтобы распространить демократию, зачем мы тогда вторглись в Ирак? Могли бы просто им, ну не знаю, “подмигнуть” что ли», – сказал Стюарт, намекая на популярную функцию «Подмигнуть» в сети Facebook, с помощью которой можно обратить на себя внимание пользователя. [5]

Революционные выступления, смена власти в арабских странах, произошедших всего в течение 2 месяцев продемонстрировали влияние символа информационного общества – глобальной сети Интернет – на политическую модернизацию. «Если, как сказал П. Валери, электричество было агентом трансформации общества второй половины XIX века, то компьютер – в качестве «аналитической машины» точно так же трансформирует общество второй половины XX века. Электричество как источник света, энергии и коммуникации вызвало к жизни «массовое общество», т.е. в громадной степени расширило социальные связи и взаимодействия между людьми и тем самым многократно усилило то, что Э. Дюркгейм называл социальной плотностью общества. В этой связи можно сказать, что компьютер является инструментом управления массовым обществом, поскольку он есть механизм обработки социальной информации, громадный объем которой растет почти экспоненциально в силу расширения социальных связей» [5].

На открытии выставки информационных технологий CeBIT 2011 в Ганновере канцлер ФРГ Ангела Меркель назвала развитие информационных технологий «невероятно динамичным». Отметив все возрастающее значение интернет-индустрии, канцлер ФРГ упомянула роль социальных сетей в событиях, происходящих в последнее время в странах Северной Африки.

Накопление информации ускорило не только общественное, но и политическое развитие. В этих условиях власть утрачивает свой прежний общественно-командный характер. В современных условиях, как показали события, информационные коммуникации более действенны, чем привычные площадные обращения лидеров к народу. Общественное мнение формируется средствами информационной демократии. Власть информации становится сильнее политической власти. Чтобы уравновесить силы, необходимо развивать информационную политику, менять ее формы общения с обществом. Политические сети призваны способствовать информационной демократии. Однако при этом следует

учитывать переход от монолитного к мозаичному сознанию. Переход к многообразию выбора, от централизации к децентрализации ведет к демассовым коммуникациям. Интерактивный поиск самоидентичности в социальных сетях – это условие, при котором власть должна отвечать многообразию «модульного Я». «Революция средств коммуникации дает каждому из нас более сложный образ себя. Она делает нас еще более непохожими друг на друга. Она ускоряет сам процесс нашего «примеривания» различных образов и ускоряет наше продвижение к новым образам. Она позволяет нам с помощью электроники демонстрировать свой образ миру» [2].

Социальная система становится более сложной. Реактивность распространения скорости информации требует молниеносной реакции от властей, меняет ее отношение к личности. Сегодня, с одной стороны, власти легче раскодировать общественные сигналы и все сложнее манипулировать сознанием. С другой стороны, новые технологии массовой коммуникации могут стать средствами манипуляций самой власти. А это уже почва для спорадических информационных войн. И поводом может стать любая информация о факте, ставшем достоянием большинства. Так, в Тунисе толчком выступлений стало самоубийство 26-летнего Мохаммеда Буазизи, которому власти запретили продавать овощи без лицензии, и он лишился средств к существованию. Критика властей, их неспособность справиться с ухудшением экономической ситуации и вызванным этим ростом безработицы – это следствие коммуникационной модели. Символическая фиксация новости, ее мифологизация влияет на социальную идентификацию, объединяющую географически разрозненные субъекты общества. Примечательно, что привратником при выборе информации и распространении в сети могут выступить любые политические силы. Образуется симметрия манипуляции. Ее нарушение, асимметрия, перекося информационных сил ведет к изменениям политических режимов. Пока это происходит в тех обществах, где власть не осознала роли информации в развитии личности. Консолидация политической воли – это цель информационной демократии, которая должна пройти все стадии развития, от научных достижений через совершенствование системы управления, к социальным преобразованиям и решениям проблем отдельной личности.

Литература

1. <http://larevolution.ru/BE-Condorcet.html>, с. 127
2. Белл, Д. Социальные рамки информационного общества / Д. Белл // Новая технократическая волна на Западе. – М.: Прогресс, 1986. – С. 330–342; с. 333.
3. БЭС: философия, социология, религия, политэкономия / гл. науч. ред. и сост. С.Ю. Солодовников. – Минск: МФЦП, 2002. – 1008 с.
4. Масуда, Е. Компьютопия / Е. Масуда // Философская и социологическая мысль. – 1993. – № 6. – С. 43.
5. <http://www.rian.ru/analytics/20110201/329144526.html>
7. <http://bookz.ru/authors/elvin-toffler/55f0dd6891b0/page-35-55f0dd6891b0.html>

ПРАВОВОСОЗНАНИЕ В СТРУКТУРЕ ОБЩЕСОЦИАЛЬНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Е.В. Варонько

*Минский институт управления, г. Минск, Беларусь
kafep@miu.by*

Правосознание – это одна из форм общественного сознания, представляющая собой систему правовых взглядов, теорий, идей, представлений, убеждений, оценок, настроений, чувств, в которых выражается отношение индивидов, социальных групп, всего общества к существующему и желаемому праву, к правовым явлениям, к поведению людей в сфере права. То есть это субъективное восприятие правовых явлений людьми.

Сознание возникает в процессе любой деятельности и проявляется в ней. Поэтому функции или назначение правового сознания могут быть поняты из результатов деятельности его субъектов. Основной правосознания является не столько знание многочисленных правовых норм (это является прерогативой юристов), а осознание и принятие тех социальных ценностей, которые находят свое официальное закрепление в праве.

Формирование правосознания личности – сложный и многообразный процесс воздействия социальной среды: объективных условий и субъективных факторов, функционирующих как на уровне макросреды, так и на уровне микросреды, и пронизывающих все сферы жизни общества – экономиче-